

6. *Мандельштам О. Э.* К юбилею *Ф. К. Сологуба* / *О. Э. Мандельштам* // Мандельштам О. Э. Собр. соч. : в 4 т. — М. : Арт-Бизнес Центр, 1993. — Т. 2 : Стихи и проза 1921—1929 гг. — М. : Арт-Бизнес Центр, 1993. — С. 407—409.

7. *Мандельштам О. Э.* Огюст Барбье: Поэт Парижской революции 1830 г. / *О. Э. Мандельштам* // Мандельштам О. Э. Собр. соч. : в 4 т. — М. : Арт-Бизнес Центр, 1993. — Т. 2 : Стихи и проза 1921—1929 гг. — М. : Арт-Бизнес Центр, 1993. — С. 302—305.

8. *Мандельштам О. Э.* <Поэт о себе> / *О. Э. Мандельштам* // Мандельштам О. Э. Собр. соч. : в 4 т. — М. : Арт-Бизнес Центр, 1993. — Т. 2 : Стихи и проза 1921—1929 гг. — М. : Арт-Бизнес Центр, 1993. — С. 496.

9. *Струве Н. А.* Осип Мандельштам / *Н. А. Струве*. — М. : Русский путь, 2011. — 308 с.

10. *Черашняя Д. И.* Субъектный строй «Разговора о Данте» / *Д. И. Черашняя* // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — Т. 50. — 1991. — № 3. — С. 263—268.

11. *Мельник М.* Литературный портрет: до проблемы жанровой модели / *М. Мельник* // Вісник Львівського університету. Серія Журналістика. — 2007. — Вип. 31. — С. 215—220.

ФОКИНА СВЕТЛАНА

**АВТОРСКИЙ РАКУРС «СЕМИОТИКИ СТРАСТЕЙ»
В СТИХОТВОРЕНИИ
МИЛОРАДА ПАВИЧА / ЕЛЕНА РЫЖОВОЙ
«ЕСТЬ ЛЮДИ С ОСОБЕННО ЧУВСТВИТЕЛЬНОЙ
КОЖЕЙ...»**

В статье исследовательский поиск направлен на фиксацию показателей «семиотики страстей» в стихотворении «Есть люди с особо чувствительной кожей...». Метафора «чувствительная кожа» рассмотрена в статье как показатель человеческой души. Прослежен процесс семиотизации чувствительности как своего рода страсти. Этот подход позволяет проследить совмещение личной позиции и мировосприятия Е. Рыжовой с точкой зрения М. Павича.

Ключевые слова: «семиотика страстей», сенсетивность, «чувствительная кожа», интертекстуальность, М. Павич, Е. Рыжова.

У статті дослідницький пошук спрямовано на фіксацію показників «семиотики пристрастей» у вірші «Є люди з особливо чутливою шкірою...». Метафора «чутлива шкіра» розглянута в статті як показник людської душі. Прослідковано процес семиотизації чутливості як свого роду пристрасті. Цей

підхід дозволяє простежити поєднання особистої позиції та світосприйняття О. Рижової з точкою зору М. Павича.

Ключові слова: «семиотика пристрастей», сенсетивність, «чутлива шкіра», інтертекстуальність, М. Павич, О. Рижова.

In article research search is directed on fixing of indicators of «semiotics of passions» in the poem «There are People with Especially Sensitive Skin...». The metaphor «sensitive skin» is considered in article as an indicator of human soul. The purpose of the current article is process of a semiotization of sensitivity as some kind of passions. This approach allows analyzed combination of a personal position and E. Ryzhova's attitude with the point of view of M. Pavič.

Key words: «semiotics of passions», «sensitive skin», sensitivity, intertekstualny, M. Pavič, E. Ryzhova.

Разговор о стихотворении Милорада Павича «Есть люди с особо чувствительной кожей...» следует начать с того, что необходимо подчеркнуть — автор этого стихотворения не М. Павич. Вернее, сербский писатель автор образа-метафоры «чувствительная кожа», породившего стихотворение-интерпретацию Елены Рыжовой. Но, пожалуй, известность в Интернет пространстве стихотворению принесла эта невольная ошибка, или же запланированная мистификация. История вышла в духе творчества самого М. Павича, укрепив этим фактом диалог между двумя поэтами. Кроме того, не будь стихотворение приписано выдающемуся сербскому писателю, возможно, оно привлекло бы к себе меньше внимания и читательского интереса. Диалог с М. Павичем и его творчеством позволил Елене Рыжовой преодолеть чисто женский дискурс лирического письма, свойственный ее поэзии, и приблизиться одновременно к небарочной, постмодернистской и сюрреалистической метафоричности слова М. Павича, оставаясь при этом верной себе как поэту и человеку в своем взгляде на мир.

Есть люди с особо чувствительной кожей — их лучше не трогать. Они не похожи на всех остальных. Они носят перчатки, скрывая на коже следы-отпечатки лилового цвета от чьих-нибудь пальцев, бесцеремонных в иной ситуации. Они опасаются солнца в зените. Обычно, надев толстый вязаный свитер, выходят из дома по лунной дорожке пройтись; и не любят, когда понарошку, когда просто так, не всерьез, не надолго.

Болезненно чувствуют взгляды-иголки и крошево слов. Они прячут обиду в глубины глубин, но по внешнему виду спокойны они, как застывшая глина, лишь губы поджаты и паузы длинны. Они уязвимы, они интересны; и будьте чутки и внимательны, если вы их приручили: они не похожи на всех остальных — они чувствуют кожей.

Елена Рыжова

На официальном сайте М. Павича, показательно названного khazars.com [4], в списке, включающем все произведения писателя и даже его научные труды, указаны две книги стихов: «Палимпсесты» 1967 года (*Палимпсесты, песне. — Нолит, Београд 1967, 63 стр.*) и «Лунный камень» 1971 года (*Месечев камен, песне. — Нолит, Београд 1971, 118 стр.*). Стихотворение же «Есть люди с особо чувствительной кожей...», столь длительный период активно средствами Интернета приписываемое М. Павичу, опубликовано под авторством Елены Рыжовой в ее поэтическом сборнике в читальном зале электронного информационно-справочного портала library.ru — проекта, патронируемого Российской государственной библиотекой для молодежи [7]. Кстати, этот же портал печатает и произведения самого М. Павича, в частности «Хазарский словарь» и пьесы «Стеклянная улитка», «Кровать для троих», а также статьи филолога-слависта, переводчика М. Павича на русский язык Ларисы Савельевой.

В «павичевском» стихотворении Елены Рыжовой доминантный образ «людей с особо чувствительной кожей» способствует диалогу с метафорами и притчами сербского писателя, маркированными смысловыми и символическими пластами, сопряженными в мире М. Павича с образом человеческой кожи. Развертывание метафоры «чувствительная кожа» как показателя человеческой души дает направление семиотизации *чувствительности как своего рода страсти*. Такой взгляд на семиотизацию чувствительности высвечивает помимо интертекстуального аспекта, авторский ракурс в интерпретации «семиотики страстей», парадоксально совмещающая личную позицию и мировосприятие Е. Рыжовой с точкой зрения М. Павича.

Французские ученые А. Ж. Греймас и Ж. Фонтаний подчеркивают, что «дискурсивный или жизненный эпизод становится

страстным лишь в силу особенной сенсibiliзации» [2, с. 29], акцентируя важность фактора *чувствительности*. Семиологи также соотносят чувствительность с проявлением привязанности, что способствует обретению статуса страсти. Так чувствительность обостряет привязанность, побуждая к зарождению страсти. Более того, акцент, сделанный в «Семиотике страстей», дает возможность истолковывать наличие привязанности как мотиватора, который потенциально превращает в страсть саму чувствительность.

При этом по мысли А. Ж. Греймаса и Ж. Фонтания, «представление о “страсти” меняется в зависимости от места или эпохи, и что в определенной мере артикуляция мира страстей определяет культурные особенности» [2, с. 29]. Переосмыслив данное положение ученых можно прийти к выводу, что представление о страсти сопряжено не только с культурной эпохой, локализацией и аспектами национального, но и с особенностями сознания и личности переживающей страсть, а также с типом дискурса страсть семиотизирующего и метафоризирующего.

Что касается культурной эпохи, то внимание к чувствительности и ее пассионарному потенциалу наиболее ярко проявилось в XVIII веке, сформировав понятие «сенситивности», у которого было несколько значений: «повышенная восприимчивость к чувствам, повышенная чувствительность, обостренность ощущений, повышенная способность к эмпатии» [10, с. 97]. Как отмечает автор «Истории меланхолии» Карин Юханнисон, «сенситивность как социальный код развилась из чувствительности и стала особым свойством элиты» [10, с. 96]. Показательно, что некая идеология человеческой чувствительности и сопутствующая ей мифологизация связывали фактор обостренного восприятия с кожей как его физиологическим и в то же время символическим показателем.

Другим важным аспектом сенситивности явилось представление о том, что у чувствительных людей «нет ощущения границ своего тела» [10, с. 98], ведь «человек чувствительный» был одновременно телесен и хрупок. <...> словно бы лишенный физической оболочки, обостренно воспринимающий мир...» [10, с. 100]. Данный факт показателен в акте семиотизации чувствительности аспектом совмещения духовного, эмоционального и принципиально телесного, индикатором и одновременно покровом чего становится именно *кожа*.

Кожа один из важных образов-метафор в творчестве М. Павича. Сербскому писателю присуще акцентирование чувствительности

кожи, обыгрывание чего на уровне сюжета обретает параболическую притчу. Так в «Хазарском словаре» (1984) [6] кожа фигурирует 15 раз. Центральной метафорой павичевского романа-лексикона становится образ человеческой кожи, покрытой письменами — «...на <человеческой. — С. Ф.> коже написанные буквы, которые потом можно было читать» [6, с. 145]. В романе «Пейзаж нарисованный чаем» (1988) [5] прямое упоминание кожи повторяется 9 раз, а также косвенно, обозначая различные кожаные предметы. Причем, как правило, в вышеуказанном романе речь именно о **тонкой коже**: «От своего родного отца Витача унаследовала одну только **тонкую кожу**, такую прозрачную, что через нее, казалось, зубы просвечивали» [5, с. 82]. Так в романе-кроссворде доминирует метафора кожи — покрова потаенного человеческого мира, соотносимого как с физиологией, так и с движениями души: «Монах на минуту примок, и кожа у него на лбу задрожала, словно отгоняя мух. По сути же, он отгонял от себя мысли» [5, с. 41]. Кожа также встречается и в более ранних произведениях М. Павича: в сборниках рассказов «Кони святого Марка» (1976), «Русская борзая» (1979). Характерно, что интерес сербского писателя к символике «чувствительной кожи» проявился в период его творчества, фокусирующийся на второй половине 1970-х и еще в большей мере акцентирован в 1980-е годы. Позже подобная тема и соответствующая эмблематика в павичевских текстах практически не встречается, исключением становится рассказ «Кесарево сечение».

Следует разобраться в метафорической и символической подоплеке образа кожи, актуальной для М. Павича, унаследованной стихотворением Елены Рыжовой. При этом надо учесть, явный интерес М. Павича к кабалистике, различным мистическим учениям и другим культурным кодам того же порядка, что было отмечено как исследователями-павичеводами, так и проницательными читателями. В данной связи вспоминаются слова из интервью профессора факультета журналистики МГУ Натальи Микеладзе. Упомянутое интервью было посвящено осмыслению феномена М. Павича и его места в современном литературном и культурном процессах. Н. Микеладзе отмечает: «Исходя из его (М. Павича — С. Ф.) текстов, могу сказать, что он человек, в разное время явно увлекавшийся эзотерическим знанием: герметизмом, Каббалой, магией. Насколько серьезно, не берусь судить, но пишет он, в конечном счете, о любви и о слове» [3]. Действительно,

несомненен интерес сербского писателя к кабалистике, смысловой составляющей различных колдовских практик и иных тайных знаний, а главное — включение их в игровом плане в павичевский художественный дискурс и мир.

Для данного исследования, прежде всего, приоритетно обратить внимание на соответствующие магические коды и эмблематику кожи в павичевском творчестве, учитывая своеобразное «наследование» образа-метафоры «чувствительная кожа» стихотворением Елены Рыжовой. Укорененность в павичевскую образную систему, связанную, прежде всего, с образом кожи оказалась настолько сильна, что стало возможным с помощью Интернет ресурсов осуществить новую разновидность литературной мистификации, приписать не отдельные цитаты и аллюзии, а все стихотворение авторству Милорада Павича. Возможно вне этой глубинной интертекстуальной преемственности, носящей как бессознательный, так, видимо, осознанный и даже принципиальный характер, удача Интернет мистификации не была бы столь полной и читатели-пользователи могли изначально усомниться в приписываемом авторстве.

Специфика символического потенциала павичевского образа кожи в контексте влияния магических традиций, подтверждается при обращении к сведениям из монографий, посвященных культурологическому и семиотическому изучению Каббалы, герметизма, алхимии, шаманизма и т. п.

После тщательного отбора такого рода работ, выбор был остановлен на исследованиях Мэнли П. Холл и Мирча Элиаде, которые среди прочих аспектов были сосредоточены также на изучении важности человеческой кожи для различных магических практик.

Оба ученые в связи с заявленной проблематикой подчеркивают несомненную актуальность мифологемы неба, сотворенного из кожи. Согласно М. П. Холл, «**кожа** символизирует **небесный свод**, простирающийся повсюду и укрывающий все подобно накидке» [8, с. 44]. Кожа также, согласно наблюдениям, изложенным в научных трудах М. П. Холл, наделяется значением покрова человеческого духа и тайных знаний. В соответствии с этим **тонкость кожи** становится индикатором способности к духовному и тайноведческому прозрению. По сведениям, приводимым М. Элиаде, в шаманических обрядах кожа шамана до такой степени «тонкая и прозрачная <...> чувствительна, что к ней нельзя прикоснуться, чтобы не вызвать боль» [9, С. 35]. Тонкость и чувствительность кожи — показатель избранности, обладания

медиальными и колдовскими способностями, данными ценной боли и чрезмерной обостренности всех ощущений.

При этом тонкая кожа, как и сенсетивность, в культуре знак не только медиума, но также признак утонченности и принадлежности к аристократии. В рассматриваемом стихотворении эмблематика чувствительности сопряжена с образами перчаток и свитера, защищающих от соприкосновений с миром людей «бесцеремонных в иных ситуациях». Данный аспект, противоречащий смысловым доминантам художественного мира М. Павича, становится подтверждением обращенности *рыжовской составляющей* образа «чувствительной кожи».

Интерпретация поэтессой образов перчаток и «толстого вязаного свитера» с учетом влияния особенностей ее авторского сознания, маркирована коннотациями рыцарской модели, созданной Средневековьем и кодами аристократического культурного универсума. Помимо широкого спектра значений «перчатки являются также и символом любви. Рыцари прикрепляли к шлему или щиту перчатку своей дамы сердца, чтобы она давала им силу в бою. <...> В XVI веке перчатки дарили в знак любви, как обручальное кольцо» [1, с. 272]. В семиотическом плане свитер «соединяет разные миры — ирландских рыбаков, французских рыцарей...» [1, с. 232], олицетворяя новое воплощение рыцарской кольчуги. В данном контексте показательна система культурных представлений об аристократической чувствительности, балансирующей между утонченностью, духовностью и болезненным невротизмом. Эти аспекты смыслового потенциала «чувствительной кожи» как знака принадлежности к аристократической или же рыцарской культуре, скрытые в подтексте стихотворения, уже связаны не с наследованием образов-метафор М. Павича, а непосредственно с дискурсом Елены Рыжовой. Так Е. Рыжова вступая в диалог с сербским писателем и обыгрывая павический знаковый образ, модифицирует его истолкование через призму своего видения мира и доминант авторского сознания.

Л и т е р а т у р а

1. Ганн Т. Библия моды / Т. Ганн ; [пер. с англ. Т. Зотиной]. — М. : КоЛибри, 2014. — 322 с.

2. Греймас А. Ж. Семиотика страстей. От состояния вещей к состоянию души / А. Ж. Греймас, Ж. Фонтаньей ; [пер. с фр. И. Г. Меркуловой]. — М. : ЛКИ, 2007. — 336 с.

3. Микеладзе Н. Пейзаж, нарисованный Павичем [Электронный ресурс] / Н. Микеладзе. — Режим доступа: <http://archive.taday.ru/text/224527.html>

4. Официальный сербский сайт Милорада Павича [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://khazars.com/>

5. Павич М. Пейзаж, нарисованный чаем : роман кроссворд / М. Павич ; [пер. с серб. Н. Вагапова и Р. Грецкан]. — СПб. : Амфора, 2010. — 338 с.

6. Павич М. Хазарский словарь : роман лексикон / М. Павич ; [пер. с серб. Л. Савельева]. — СПб. : Амфора, 2013. — 352 с.

7. Рыжова Е. «Есть люди с особо чувствительной кожей» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.library.ru/lib/auth_page.php?a_uid=38

8. Холл М. П. Оккультная анатомия. Человек — великий символ Мистерий : [пер с англ.] / Мэнли П. Холл. — М. : Сфера, 2002. — 448 с.

9. Элиаде М. Шаманизм: архаические техники экстаза / М. Элиаде. — К. : София, 2000. — 480 с.

10. Юханнисон К. История Меланхолии. О страхе, скуке и печали в прежние времена и теперь / К. Юханнисон ; [пер. со швед. И. Матыциной]. — М. : НЛО, 2011. — 320 с.

ДЕМИНА НАТАЛЬЯ

МЕХАНИКА КОМИЧЕСКОГО В «КОМПРОМИССЕ» СЕРГЕЯ ДОВЛАТОВА

В статье анализируется механика комического в сборнике новелл Сергея Довлатова «Компромисс» (1973—1980), опираясь на теорию «механического смеха» Анри Бергсона.

Ключевые слова: комическое, смех, С. Довлатов, А. Бергсон.

У статті аналізується механіка комічного у збірці новел Сергія Довлатова «Компроміс» (1973–1980), спираючись на теорію «механічного сміху» Анрі Бергсона.

Ключові слова: комічне, сміх, С. Довлатов, А. Бергсон.

This paper examines the mechanism of the comic in Sergey Dovlatov's collection of short stories *Compromise* (1973–1980), focusing on Henri Bergson's notion of «mechanic laughter.»

Key words: comic, laughter, S. Dovlatov, A. Bergson.